

ПАМЯТНОЕ

В.И. МИХАЙЛЕНКО
Уральский университет

ИНТЕРВЬЮ ПРОФЕССОРА РЕНЦО ДЕ ФЕЛИЧЕ

Я никогда не был учеником Ренцо Де Феличе. В ноябре 1977 г. в рамках межгосударственного советско-итальянского обмена в области культуры и образования я прибыл в Италию с группой советских стажеров. После трехнедельного изучения итальянского языка в университете Перуджи меня распределили в римский университет «Ла Сапьенца», куда я прибыл в самый канун Рождества. Озабоченный больше предстоящими каникулами, представитель университетской администрации, после недолгих раздумий направил меня в институт современной истории факультета философии и литературы, руководителем, которого была специалист по средним векам профессор Эмилия Морелли.

Не скрою, что я был весьма расстроен, когда узнал, что моим научным руководителем был назначен профессор Де Феличе. Его фамилия была произнесена с романским диалектовым «ш» и звучала как «Де Фелише». Такого имени в известной мне итальянской историографии я не припомнил.

До сих пор храню тетрадку с заранее подготовленной записью моего первого представления профессору Де Феличе. В ней сообщалось, что сферой моих научных интересов является изучение внешней политики фашистской Италии, что важнейшей задачей своей работы я вижу опровержение гитлеровского тезиса о «предательстве» Италии и стремлюсь доказать присутствие «самостоятельности» во внешней политике Муссолини.

В тот момент уровень моего итальянского языка был настолько низким, что о содержании разговора могу судить лишь по заметкам на полях этой тетрадки. Там упомянуты профессор П. Пасторелли с факультета политических наук, фонд М. Тоскано, директор военно-исторического отдела Генерального штаба сухопутных сил Р. Крукку, генеральный директор архивов Италии Р. Гриспо и директор архива МИД Италии Э. Серра. Только много лет спустя я смог по достоинству оценить, что в разгар мощной антисоветской политической кампании в Италии профессор Де Феличе ввел малознакомого ему советского историка в первозрядную научную среду.

Все же сложная политическая обстановка вокруг СССР сыграла свою зловещую роль. Несмотря на дружеское расположение ко мне со стороны профессора Э. Серра, доступ к архивам МИД Италии был закрыт наглухо для советских исследователей. Итальянская сторона настаивала на взаимной открытости советских архивов для итальянских историков. Директор архива МИД Италии настойчиво внушал мне о необходимости моего разговора с академиком Тихвинским. Мне было стыдно признаться, что советскому стажеру проще добиться встречи с тогдашним министром иностранных дел Джулио Андреотти, к которому, кстати, в приемную я как-то случайно забрел, чем с советской научной номенклатурой.

Благодаря рекомендации профессора Де Феличе мне удалось поработать в Центральном государственном архиве, однако, и к его источникам доступ был открыт только под занавес девятимесячной стажировки.

Эти обстоятельства сыграли решающую роль в последующей направленности моих исторических исследований. Вынужденный «простой» был использован для изучения итальянской историографии фашизма и установления личных контактов с итальянскими историками.

Среди моих собеседников были историки самых разных политических и исторических взглядов. Назову их в хронологическом порядке встреч: Родольфо Моска (встреча состоялась буквально за две недели до его кончины), Пьетро Пасторелли, Энрико Серра, Ренато Гриспо, Адриано Гуэрра, Клара Каstellли, Паоло Алатри, Джампьеро Прокаччи, Ринальдо Крукку, Энцо Сантарелли, Лючио Чева, Розариа Квартараро, Пьерлуиджи Ори, Маттео Пиццигалло. С некоторыми из них я состоял в переписке, обмене книгами, что позволяло в какой-то мере отслеживать историографический процесс в Италии вплоть до следующей поездки в 1989 г.

Погружение в итальянскую историографию привело молодого историка-марксиста к сенсационным для него выводам. Итальянские исследователи подвергали сомнениям казалось бы аксиоматические выводы советской историографии, начиная от природы возникновения фашистского феномена до его властных проявлений и политики.

Здесь мне хотелось бы отвлечься и подчеркнуть историческую правоту бывшего шефа КГБ В. Крючкова, который в постсоветский период откровенно признался, что каждый советский человек, находившийся длительное время за рубежом, рассматривался спецслужбами как «агент западного влияния». Советская идеологическая система могла функционировать только в закрытом, фетишистском, неанализируемом пространстве. Любое движение самостоятельной мысли было для нее губительным.

Для молодого историка, чье образование прошло в условиях «автаркии советской культуры», «ревизия классических концепций» вызвала неагрессивную, но все же защитную реакцию. Все, что было мною опубликовано за последние двадцать лет, несет на себе отпечаток дискуссии – диалога с итальянской и, прежде всего, дефеличеанской историографией.

Не скрою, что при подготовке книги «Итальянский фашизм: основные вопросы историографии»¹², в концептуальном плане мне были ближе авторские позиции участников сборника статей «Фашизм и капитализм», изданного под редакцией Н. Транфалья¹³. А освещение внешней политики фашистской Италии я считаю наиболее слабым звеном исследований Р. Де Феличе¹⁴

В «Интервью о фашизме» Р. Де Феличе утверждал принцип индивидуальной свободы и независимости исследователя. «...Я не верю, что есть люди,

---

¹² Михайленко В.И. Итальянский фашизм: основные вопросы историографии. Свердловск, 1987

¹³ Fascismo e capitalismo / P. Alatri, G. Carocci, V. Castronovo, E. Collotti, G. Quazza, G. Rochat, N. Tranfaglia / A cura di N. Tranfaglia. Roma: Feltrinelli, 1976.

¹⁴ Михайленко В.И. История итальянского фашизма в исследованиях Р. Де Феличе // Проблемы итальянской истории. 1987. М., 1987. С. 261-264

которых буквально можно рассматривать в качестве учителей своих учеников: и, напротив, если кто-то называет себя учеником в узком смысле этого слова, этот человек лишен интеллектуальной автономии»¹⁵. Следуя этому правилу, Р. Де Феличе оставил учеников, но не историографическую «школу».

Я даже осмелился бы поставить под сомнение само существование дефеличеанской концепции истории фашизма или попытался бы принизить ее историческое значение. Вклад Де Феличе в изучение фашистского феномена заключается в другом. Он обнажил наиболее уязвимые места в классических интерпретациях фашизма и нанес по ним прицельный удар. Другими словами, он напомнил о главном принципе и долге неангажированного исследователя – «всегда сомневаться».

Для современных исследователей, на мой взгляд, большее значение имеют поставленные Де Феличе вопросы, чем его попытки найти на них ответы. Отсюда, историческое значение трудов Р. Де Феличе несводимо к дихотомии «свой – чужой». Любой честный исследователь фашизма, не ослепленный идеологическими или групповыми пристрастиями, будет искать свои ответы на поставленные Де Феличе вопросы о соотношении «правых» и «левых» предпосылок в итальянском фашизме, о «разрыве» между идеологией движения и политикой режима у власти, о причинах «массового консенсуса» и его разрушения, будет стремиться понять историческую правду не одной, а разных сторон в гражданской войне или послевоенных политических баталиях.

Постановка этих вопросов носит универсальный и типологический характер и выводит значение исследований Де Феличе за рамки истории итальянского фашизма.

Ниже предлагается интервью с профессором Ренцо Де Феличе, которое было мной записано 27 мая 1978 г. у него дома на окраине Рима. Де Феличе вел неторопливый разговор, попыхивал тосканской сигарой, запах которой напоминал мне дедову самокрутку из далекого деревенского прошлого.

По окончании разговора Де Феличе повел меня в свой гараж на противоположной стороне дома, в котором находился его огромный архив. Де Феличе был одержим работой. Он собирал все, что относилось к периоду его исследования. К каждому историческому факту он стремился отнестись без идеологической предвзятости. Но зачастую сам становился жертвой авторской доверчивости.

Его исследования опирались на огромный фактический материал и казались перегруженными им. В качестве примера обратимся к последнему прижизненному тому «Муссолини – союзник», состоящему из двух книг общим объемом 1576 страниц плотного текста без единой иллюстрации, с приложением документов на 160 страницах. И вместе с тем я не знаю ни одного другого исследователя фашизма, чьи концептуальные подходы к теме исследования отличались бы такой индивидуальностью и обилием авторских интерпретаций.

Почему интервью публикуется впервые, спустя 20 лет? С самого начала было оговорено, что интервью он давал не для публикации. После смерти профессора Де Феличе 25 мая 1996 г. на 67 году жизни я поделился с кол-

---

¹⁵ De Felice R. Intervista sul fascismo. Roma; Bari: Laterza, 1976. P.1.

легами информацией о той самой кассете, которая пролежала двадцать лет. Мы пришли к заключению, что ее публикация не нанесет вред памяти историка и в какой-то мере может дополнить представление о нем и его карьере. Интервью публикуется фактически полностью, за исключением некоторых опущенных повторов и второстепенных деталей.

Уважаемый профессор, как развивается научный интерес к фашистскому феномену? Какие аспекты фашистского феномена находятся в центре современной историографии?

Научный интерес к фашизму был всегда, начиная с конца войны, с момента падения самого фашизма. Отличие от современного периода заключается в том, что первоначально интерес сосредотачивался на происхождении фашизма, на попытках понять, как он пришел к власти, какие силы его поддерживали, и почему это произошло.

В последние годы интерес сместился в сторону других проблем, в большей степени перешел на проблемы фашистского режима. Исследователи пытаются понять, что изменилось в итальянском государстве после прихода фашистов к власти, как эти изменения дали о себе знать после краха фашизма?

Наряду с этими новыми аспектами исследований, я бы выделил фашистскую колониальную политику. Исследователи мало занимались этой темой. Сейчас появились некоторые работы, в основном иностранных авторов.

В последние годы возрос также интерес к внешней политике. Не исключаю, что это связано с новыми возможностями изучения внешнеполитических документов. Мне вновь хотелось бы подчеркнуть то, о чем я сказал чуть ранее: исследователи значительно большее внимание стали уделять истории фашистского режима.

Известно, что одной из наиболее дискуссионных тем является происхождение фашизма. Вы являетесь автором первого тома «Муссолини – революционер». А Ваша авторская концепция оказалась в центре современных дискуссий. Мне хотелось бы узнать непосредственно от Вас, в чем заключается суть этих дискуссий?

Проблема происхождения фашизма, с моей точки зрения, является наиболее дискуссионной в историографии. Являлся ли фашизм в Италии или вообще, только следствием радикализации классовой борьбы, вызванной первой мировой войной, реакцией на большевистскую революцию или, наряду с этими мотивами, были также какие-то иные?

Другими словами, была ли связь между приходом фашистов к власти и процессом трансформации итальянского общества в массовое, как утверждают социологи? И, если это так, то являлось ли фашистское движение только движением националистического типа, использованным в антипролетарских интересах аграриями и крупной буржуазией? Или, наряду с этим, фашистское движение являлось попыткой мелкой итальянской буржуазии, которая сформировалась накануне войны, в ходе ее и после окончания, самоутвердиться как автономный класс, имеющий собственные гегемонистские

устремления не только против пролетариата, но и против крупной буржуазии. К этим проблемам я бы и свел основной смысл дискуссий.

Я знаком с недавними довольно негативными рецензиями Роберто Виварелли, Лео Валиани и Джакомо Сантомассимо на Ваш первый том?

Виварелли, если вас это интересует, в последнее время изменил свою позицию. Не знаю, была ли у вас возможность ознакомиться с его докладом сделанном два-три месяца назад на конференции, организованной социалистическим институтом истории в Перудже. Если вас интересует, у меня есть его копия. Виварелли собирается расширить доклад для издания, но авторская позиция хорошо представлена и в этом тексте.

Следующий вопрос я хотел бы поставить в связи с интересующей меня темой происхождения фашистской внешней политики. Я знаком с некоторыми из книг, написанных Дж. Руми, Р. Виварелли, Э. Ди Нольфо, Дж. Кароччи и др. Какие темы Вы бы выделили в качестве наиболее важных?

Из проблем происхождения фашистской внешней политики я бы выделил две. Первая, имел ли фашизм в момент прихода к власти завершённую программу внешней политики или нет. Джорджо Руми, например, в своей книге «О происхождении фашистской внешней политики в 1918-1923 гг.» утверждает, что с самого начала фашистская внешняя политика имела точно обозначенные цели.

Эннио Ди Нольфо, как мне кажется, меньше, чем Руми, убежден в этом, однако и ему представляется, что фашизм имел довольно определённую программу.

Джампьеро Кароччи, даже если не слишком настаивает на наличии определённой внешнеполитической программы, ведёт речь общего характера об общности империалистических целей итальянского империализма, который до прихода фашистов к власти определил линию внешнеполитических целей. В этом случае суть дискуссии можно свести к следующему. Являлась ли внешняя политика фашистской Италии в свой начальный период, названный именем Контарини¹⁶, «старой» политикой или уже демонстрировала свою оригинальность?

Мне лично представляется интересным сделанный Дж. Руми анализ фашистской периодической печати, из которого становится ясным, что обсуждали фашистские руководители, каким было влияние националистов на формирование внешней политики.

Однако я убежден в том, что Муссолини не имел программы внешней политики. Попробую пояснить эти слова. Фашисты, конечно, имели определённые идеи, но подлинной и хорошо обоснованной внешнеполитической программы они в этот момент не имели.

Среди этих общих идей можно отметить их реакцию на Версальские соглашения, которые были плохо встречены фашистами. Прежде всего, они отмечали, что Италия не получила компенсации в виде колоний. В фашист-

---

¹⁶ Сальваторе Контарини был назначен на пост Генерального секретаря МИД Италии до прихода фашистов к власти и, по мнению некоторых итальянских исследователей, олицетворял собой преемственность правящих классов во внешней политике.

ских кругах циркулировали и другие идеи. Но мне представляется, что в начальный период Муссолини больше всего был обеспокоен положением во внутренней политике. Среди этих проблем, не проявившихся в фашистской прессе, была проблема эмиграции.

Накануне похода на Рим фашисты отрицательно относились к самому факту эмиграции итальянцев. Они не хотели, чтобы итальянцы уезжали из страны в поисках работы. В связи с этим остро поднималась проблема колоний, как резерва рынка работы.

После войны резко меняется иммиграционная политика ряда стран, прежде всего, Соединенных Штатов, которые принятием ряда законов ограничили въезд в свою страну для иностранцев, в т.ч. итальянцев.

Придя к власти фашисты изменяют отношение к эмиграции, они стремятся расширить эмиграцию.

Но в целом, повторяю еще раз, интерес к внешней политике возрастает у фашистов со временем, а не сразу.

Я только что видел книгу Джанкарло Джордано о «пакте четырех». Джордано пишет: сопротивление французов, нерешительность англичан отдалили мирное решение. Провал «пакта четырех» стимулировал Муссолини усилить связи с Гитлером. Мне представляется, что такие немецкие историки, как Функе, Петерсен, Микелис и итальянские историки, например, Сантарелли, Роша и другие имеют иную точку зрения. Они считают, что Италия сама по себе выбрала путь сотрудничества с Германией, а не из-за позиции Великобритании.

Я убежден, что итальянцы вплоть до африканской войны, а возможно и некоторое время спустя, не думали всерьез о союзе с Германией. Напротив, они испытывали чувство определенного страха перед Гитлером. Муссолини все время стремился сыграть на чувстве страха англичан и французов, чтобы убедить их к соглашению с Италией. Именно это и было политикой, которую Дино Гранди вместе с Муссолини называли политикой итальянской «решающей гирьки». Итальянцы придерживались этой политики вплоть до африканской войны, а, возможно, и позже. Муссолини вполне определенно стремился к соглашению с Англией и стремился угрозой дружбы с Германией подвинуть Францию к поискам соглашения с Италией, прежде всего по колониальным вопросам.

Только после африканской войны, когда отношения с Великобританией обостряются, но еще не становятся слишком плохими, установится еще одна фаза их улучшения. Что касается Франции, то их сближению препятствовали присутствие Народного фронта во Франции, война в Испании, сближение с Германией.

Во все времена, например, в период «пакта четырех», договоры с западными державами рассматривались, как средство заблокировать Гитлера. Как в подходах к общим внешнеполитическим вопросам, так и в некоторых частных, фашисты стремились, к примеру, воспрепятствовать аншлюсу Австрии и последующему присутствию Германии на итальянской границе.

Я уверен, что Муссолини всегда, практически всегда предпочитал иметь «пакт четырех»...

Действительно, он предпочитал по возможности иметь что-то вроде постоянного «пакта четырех»...

Я читал книгу Донателлы Болек Чекки «Соглашение двух империй». У меня сложилось впечатление, что книга является добротной с точки зрения использованных в ней оригинальных источников, но ее идея мне неясна.

Проблема заключается не в том, что идея неясная, а в том, что в ней вообще нет идеи. Нельзя искать то, чего не существует.

Италия и фашистская ось. Формирование оси есть результат агрессивной внешней политики Муссолини или результат провала соглашения с западными державами?

В сущности, это одно и то же: немного имел место провал политики в отношении западных держав, немного последняя попытка в период оси, а не Стальского пакта, шантажировать французов и в то же время искать с ними соглашения. Стаальной пакт – это другое дело.

Мне представляется, что точку зрения о провале попыток соглашения с западными державами выражали Гранди и Маджистрати...

Несомненно, это так. Прежде всего, Гранди и в еще большей степени Маджистрати. Правда, Маджистрати после падения фашизма опубликовал множество статей и книг. Гранди, напротив, не написал ничего после краха фашизма

Еще один вопрос историографического характера. Какие, по Вашему мнению, исторические школы сегодня существуют?

По внешней политике или фашизму в целом?

По фашизму в целом.

Сегодня это две несколько различные вещи. Я бы сказал так, что сегодня по теме фашизма сложно говорить о научной школе в строгом смысле этого слова. Конечно, есть позиция, занимаемая туринским журналом “Rivista di storia contemporanea”. Его лидер Гвидо Квацца придерживается наиболее экстремистской, можно сказать, строго марксистской интерпретации фашизма. Затем можно выделить группы историков-коммунистов вокруг журнала “Studi storici”, издаваемого Институтом Антонио Грамши. Затем можно выделить некоторых историков, занимающих автономные позиции в историографии, например, Роберто Виварелли.

Может быть, Вы скажете более детально о позиции Виварелли?

Я сейчас найду Вам доклад, о котором говорил чуть раньше, и вы сможете ознакомиться с его позицией... Наконец, есть и другая позиция, которая связана с группой исследователей вокруг журнала “Storia contemporanea”. Вот, собственно, я и назвал три основные современные историографические позиции и одну автономную позицию Виварелли, которую я бы определил как современную сальвеминианскую. Он использует источники, к которым в свое время Гаetano Сальвемини не имел доступа.

Можно ли сегодня сказать о том, что существует школа Де Феличе? Я, например, слышал о том, что журнал "Storia contemporanea" намеревается объединить историков различных направлений?

Я всегда стремился сделать журнал, в котором была бы представлена не одна позиция, а существовала бы возможность сопоставления ряда позиций с историографической, культурной и идеологической точек зрения. Однако верным является также то, что среди авторов журнала есть более однородная группа исследователей.

Например, Розария Квартараро...

По вопросам внешней политики, вполне определенно, Квартараро. Но, к примеру, Руми в последние годы стал ближе к моим историографическим позициям, хотя сейчас он меньше занимается внешнеполитическими проблемами.

И затем по вопросам внешней политики выделяется школа учеников Тоскано, вся группа, включая Пасторелли, Андрей...

Школа Тоскано или дипломатическая школа, как часто называется, имеет четкие цели, которые не выходят за рамки дипломатических исследований.

Несомненно, они имеют весьма определенные цели. Я скажу со всей откровенностью, даже если они мои самые дорогие, личные друзья. Недостаток этой группы исследователей заключается в том, что они пишут исключительно дипломатическую историю, не принимая в расчет другую серию мотивов идеологического, экономического характера, внутреннюю политику. Внешняя политика для них отделена от других аспектов политической жизни. В этом, по моему мнению, заключается их ограниченность.

Мне представляется, что они рассматривают более ограниченные проблемы, не связывая их с другими. Я знаю, что Йенс Петерсен работает в германском институте в Риме, а Микелис?

Микелис живет в Израиле и преподает в Хайфе.

Я видел три статьи, опубликованные Микелисом в Италии...

Микелис очень много печатается в Италии в журналах "Rivista storica italiana", "Nuova rivista storica", "Rassegna mensile di Israel". Он – немецкий еврей, который много лет живет в Израиле.

А Манфред Функе живет в Германии?

Да, конечно. Из этой группы историков только Петерсен проживает в Риме. Есть еще один интересный историк в Итало-германском институте, который занимается фашистским периодом, внутренней политикой и в значительной мере темой интеллектуалов в фашистский период. Это – Гесс, который написал ряд статей о присяге итальянских профессоров фашистскому режиму. Перед Петерсеном в Итало-германском институте был Рудольф Лилл, который занимался изучением дофашистского периода. Если вновь возвратиться к фигуре Петерсена, то он принадлежит к группе германских ученых во главе с Вольфгангом Шидером.

Мне показалось, что точка зрения Петерсена отличается от взглядов Якобсена и Хильгрубера. Мне кажется, что она ближе к итальянской, в то время как взгляды Якобсена и Хильгрубера являются несколько националистическими.

Хильгрубера, возможно, в меньшей степени.

Какие историографические методы Вы используете и какие цели стремитесь достичь?

Это очень сложный вопрос. В каком смысле, какие методы? Что касается методов, то я могу сказать, что лично я не умею выполнять командно какую-либо работу. Все мною сделанное выполнено самостоятельно. Я не верю в командную работу. Я часто себя спрашиваю, а есть ли хотя бы одна серьезная научная работа, выполненная командным способом? Я уверен, что командой исследователей можно обсуждать план исследований. Но его реализацию, обдумывание проблем исследований, каждый осуществляет индивидуально.

Что касается целей исследований, то мне кажется, что главная задача историка заключается в том, чтобы выяснить: как и почему произошли те или иные события, пытаться реконструировать реальность и понять движущие причины событий.

Ясно, что в дальнейшем все выполненное будет иметь определенные практические последствия в культурном, интеллектуальном, политическом плане.... Вместе с тем для исследователя является принципиально важным не переносить интересы сегодняшнего дня на период, который он изучает.

Можно ли узнать о ваших текущих научных планах?

Относительно будущего, практически ничего нового, только идти вперед, чтобы завершить биографию Муссолини. Прежде всего, необходимо завершить том, доводящий события до 10 июня 1940 г., т.е. до вступления Италии в войну, затем на очереди будет следующий том, доводящий события до смерти Муссолини. Других планов не имею. Правда, недавно вышла книга о евреях в Ливии.

Вначале я не понимал, почему эта тема, о евреях в Ливии, представляет для Вас интерес. Но после работы в Центральном государственном архиве в Риме мне стала понятной ее важность, поскольку ливийская проблема имела международный характер, прежде всего, во взаимоотношениях между Францией, Великобританией и Италией.

Кроме того, эта тема стала продолжением моей предыдущей работы. Несколько лет тому назад я написал книгу об итальянских евреях в фашистский период. И у меня появился интерес к развитию этой темы. Конечно, Ливия – это особый случай, но она не слишком отличается от других арабских стран Северной Африки в том, что касается взаимоотношений между евреями и арабами.

Желаю вам успехов в работе. Спасибо за интервью.